

Община Св. Великомученицы Екатерины ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК № 7-2007 (24)

Свящ. Владимир Зелинский ПОХИЩЕНИЕ И ОБРЕТЕНИЕ ПАМЯТИ*

Если Дух Святой творит или пробуждает евхаристическую память, иной дух, враждебный Ему, память гасит, ворует, дробит на не связанные между собой фрагменты. Причем не только память евхаристическую, но и всякую иную. И поскольку сатана есть прежде всего вор (Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить — Ин. 10, 10), то менее всего защищенная наша память чаще становится первой его жертвой. Он приходит как заправский профессионал, зная, что, украв, не должен наследить. Похищая Слово из недоступных памяти глубин нашего существа, он парализует ее, оставляя все прочие умственные способности наши почти нетронутыми, дабы лучше воспользоваться ими к своей выгоде. В беспамятстве — исток всяких наваждений, индивидуальных или коллективных одержимостей.

Сатана приходит в маске, чаще всего не очень надолго, чтобы его не узнали, и, уходя, оставляет нас наедине с внутренним нашим судьей, который потом хватается за голову: где прежде были здравый смысл, житейская осмотрительность, логика поступка, не говоря уж о совести? Всякое наваждение насыщается откуда-то извне, но часто принимается нами охотно, сростается с нами, делается образом жизни и уже не одного человека только, но порой и целой цивилизации, вступившей, можно сказать, в открытое сожительство с агрессивно-ликующей беспамятностью, которая становится своего рода общественным культом эпохи глобализации.

Оставим ее и повернемся совсем в другую сторону, приклоним ухо наше к поющим ангелам. На пороге совершения таинства херувимы зовут нас к очищению памяти, к водворению строгости в умственном и душевном нашем хозяйстве, к изгнанию «многих и лютых воспоминаний», к дисциплине настроенного на небо внимания. «Отложим попечение» — позволим себе вздуматься в херувимскую мысль, — чтобы освободить таящуюся в нас память, помочь ей пробудить в себе Слово, некогда оброненное в нас. Перед совершением Евхаристии и память должна войти в благодарение. Ей надлежит стать той «плотью ума», в которой «божественный глагол» становится творением и нашей памяти. Мы обретаем способность вспомнить Слово Божие, о котором по плоскому, плотскому рассуждению помнить никак не можем, ибо оно вошло и укоренилось в нас в час сотворения каждого человека, чтобы остаться навсегда нестираемым во всякой душе, даже и той, что одержима забвением.

Память, чреватая Словом, — целиком наша и уже не вполне наша, ибо она относится к тому сущностному, онтологическому уровню нашего существования, на котором мы узнаем лик любви Божией, памятующей о нас. Потому что свет, просвещающий всякого человека, приходящего в мир — иное именование любви, излившейся, по слову ап. Павла, в сердца наши Духом Святым... (Рим. 5, 5). Любовь, свет, память родственны, едины у своих корней, ибо проистекают из акта творения каждого из нас, из дара быть или скорее стать человеком, благодаря обретению Духа,

данного нам. И потому вслед за «оставлением попечений» и очищением памяти, если нам удастся последовать ангельскому призыву, мы поднимаемся к этим корням, входим туда, где творится память иная, та, что хранит начаток Духа (Рим. 8, 23). Пробуждением такой памяти и занята вся трудная школа восточной молитвы.

Принцип этой молитвы состоит, как известно, в очищении ума, который Максим Исповедник называет «полем сердца». Очищение начинается с долгой работы освобождения от явных, а затем и почти незаметных, держащих нас в плену тех «слов, дел и помышлений», которые вскрываются и отсекаются аскезой и покаянием. Молитва сердца должна подрубить корни попечений, ослабить напор страстей плененного нашего я, прояснить горизонт ума, взгляда, каждого ощущения. И вот тогда просыпается незаметно, медленно подлинное наше я, пронизанное нетварным светом Слова и хранящее в себе залог Духа (2 Кор. 1, 22). Секрет этой практики состоит именно в предложении я ветхого в иное, древнее, подлинное, еще не раскрывшееся, которое несет в себе сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа (1 Пт. 3, 4).

Чем суровее мы судим себя, тем больший даем простор Духу, тем скорее Господь принимает нас в Свою любовь, в царский дом Своей «вечной памяти». «Попечение» греха, угнездившееся на дне души и расплывающееся пятном по ее поверхности, нехотя выползает из своих секретных нор, гонимое светом, который глубже греха. Поначалу кажется, что с этими попечениями, составляющими всю кипящую, суетящуюся поверхность души, жизнь нашего я, земная жизнь покидает нас. Но тогда внутренняя наша жизнь обнаруживает себя в памяти о том нашем я, которое, несмотря на неверие, забвение и измену, не расставалось с Богом.

«Вот сколько бродил я по своей памяти, ища Тебя, Господи, — говорит блаженный Августин в 10 книге «Исповеди», — и не нашел Тебя вне ее. И ничего не нашел, чего бы я не помнил о Тебе с того дня, как узнал Тебя». Когда мы находим Бога, когда замечаем хотя бы тень Его присутствия, осветившего наше существование, то встречаем этот свет повсюду. Каждая минута нашего существования, даже тогда, когда оно было слепым и глухим к присутствию Божию, было облечено неслышным Его прикосновением. «Ты удостоил мою память Своего пребывания, хотя и невозможно отыскать точное место в этой памяти... Я вошел в обитель самой души моей, которая имеется для нее в моей памяти... но и там Тебя не было... И зачем я спрашиваю, в каком месте ее Ты живешь, как будто там есть места? Несомненно одно: Ты живешь в ней, потому что я помню Тебя с того дня, как Я узнал Тебя...» .

*Фрагмент из книги «Наречение имени», которая готовится к выходу в издательстве «ДУХ І ЛІТЕРА»

Почему после таких мук, страданий, горячих молитв и воскресений идет какой-то серый дождичек? - из слова Александра Огородникова на круглом столе православных журналистов - «В чем реальность церковного возрождения?» 12.10.07.

Когда Александра Огородникова выпустили из ГУЛАГа, его жена уже была замужем за другим человеком, его дом родители продали, потому что сотрудники КГБ убедили родственников, что из Сибири этот узник совести не вернется никогда.

Но вопреки надеждам системы, вернувшись в Москву, Александр первым делом создал благотворительную столовую. Первую в Советском Союзе. Он это считал своим христианским долгом. За 7 лет существования через столовую прошли около 2 миллионов человек. Притом, что аренду приходилось платить городу наравне с коммерческим рестораном. А потом помещение в судебном порядке у благотворительной столовой отобрали, и вскоре открыли там казино.

А ведь уже тогда в этом здании функционировал единственный в Москве приют для детей, которые стали бездомными в результате драматических перестрочных событий. Сейчас в приюте Александра (который располагается в поселке Бужарово в Истринском районе) также много беременных женщин, которым волею судеб, больше некуда пойти. Многие из них потеряли свои документы, приют помогает через различные благотворительные организации устроить в роддом будущих мам.

Обычно мамы с младенцами возвращаются в приют. А если сами женщины не могут растить своих детей, часто их усыновляют другие матери, которые проживают в общине.

Некоторые в приюте занимаются хозяйством, а других Александр устраивает на работу в Москву. Чтобы человек поднялся со дна, куда его жизнь забросила, почувствовал, что он способен вести нормальную жизнь.

Далее в тексте фрагменты интервью Александра Огородникова газете «Кифа» (№14 (72) ноябрь 2007 г).

Н. Игнатович: А что заставляло сопротивляться советскому режиму? Что давало силы идти на это?

А. Огородников: Когда у нас в журнале «Община» были выборы главного редактора, то это просто были выборы того, кто будет сидеть. Но нами двигала жажда правды, жажда истины. Для многих осознание лжи марксизма, коммунизма и советской пропаганды было просто личной трагедией. Я знаю людей, которые были даже на грани самоубийства.

Журналистика стала для нас исповеданием веры. Мы, сами того не ведая, создали православную журналистику. Ведь до нас ничего не было! Был XIX в., но потом была пропасть, мученики, молчание. Мы комсомольцы, неопиты, которые чудом пришли в церковь. Мы не могли не писать: поколения перед нами тихо сошли в могилу. И мы осознали, что через нас звучит их задавленный крик, вопль о правде, об истине, об их страданиях.

Перед нами стояла проблема, - что такое быть православным? Ведь не было живого предания. Оно было глубоко в подполье, сокрыто от нас. У нас была опасность - оказаться одной из небольших московских групп, которые замыкаются у себя на кухне, боятся КГБ, и это все вырождается чуть ли не в секту. Нам важно было понять, что такое быть православным. Нам нужно было найти человека, умудренного духовным опытом, который мог бы помочь нам обрести понимание веры. Не было книг, священники были запуганы - их могли снять с прихода, лишит регистрации и т.д., боялись молодежи, потому что знали, что с молодежью приходит КГБ.

Несмотря на КГБ, мы были принципиально открыты миру. Когда люди собирались на наши семинары, они словно попадали в иной мир. Эта атмосфера возникала сама, мы ее искусственно не создавали.

Затем наши документы стали читать по «Голосам...». У нас не было цели звучать, просто получилось так, что мы не могли молчать. Когда нас особенно стали бить, мы выпустили ряд документов, и люди, которые это слышали, сказали: «Это так резко отличалось от обычной диссидентской, протестной декламации». Это был совершенно иной дух. Одна женщина сказала: «Льва мы видим по когтям».

А. Алиева: Скажите, а что это был за семинар и долго ли он существовал?

А. Огородников: Официальной датой начала его работы считается сентябрь 1974 г. Но он был и до этого, просто к сентябрю 1974 г. он структурировался и получил название «Христианский Семинар по проблемам Религиозного Возрождения». Чтобы его уничтожить, в 1978 г. после гонений, запугиваний и отказа эмигрировать меня арестовал КГБ. Они использовали систему заложников: последовательно было арестовано 13 активных участников Семинара. (Продолжение на стр. 4)

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

IV век

Путь отцов*

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕК

По мере восхождения к власти Константина отношение к Церкви менялось, и когда он наконец стал полновластным владыкой Империи, Церковь после двух веков преследований была признана в правах, а затем стала блюстительницей государственной религии. Император, озабоченный восстановлением единства и укреплением государства на новых основаниях, сообразил, сколь полезным союзником в этом деле может оказаться христианство. Перемена была настолько разительной, что многим современникам грезилось установление Царства Божия на земле.

На самом деле все обстояло далеко не так радужно. Разрешенной Церкви выпало теперь «испытание не менее грозное, чем гонения, - тягостная опека государства». Видные деятели Церкви незамедлительно почувствовали угрозу и воспротивились преемникам Константина. Понять их нетрудно, если припомнить, что вселенский Никейский собор был создан мановением императора (...). К тому же император еще даже не был крещен.

Политическое вмешательство в дела Церкви серьезнейшим образом угрожало ортодоксии. Императоры, попавшие под влияние придворных епископов, брались законодательствовать в богословии, как в политике. «В один прекрасный день Церковь проснется арианской», - замечал трезвый Иероним. На высоте положения оказались епископы, подобные Афанасию и Иларию. Их сопротивление не сломили ни козни, ни ссылки. Уступить в конце концов пришлось Империи.

В четвертом веке великие учителя Церкви продолжали бороться против несметных ересей и восполнять урон, наносимый Церкви. И жизнью своей и сочинениями трое каппадокийцев опровергали заблуждения. Когда Григорий Назианзин стал константинопольским епископом, сторонников церковной ортодоксии оставалась буквально горстка. Православие и единство возобладали лишь благодаря усилиям святых Отцов Церкви.

Во второй половине столетия настал, как выражаются историки, золотой век патристики, эпоха идейного расцвета Церкви. Главнейшие пастыри и богословы христианской древности как на Востоке, так и на Западе, созревшие в школах языческой культуры, поставили античную мысль на службу Евангелию.

«Отцам IV - начала V в. в. принадлежит драгоценнейшая заслуга соединения наследия античности, еще не вполне затронутого распадом, с христианской духовностью, достигшей подлинной зрелости», - пишет А. Марру (H. Marrou).

По большей части они крестились в зрелом возрасте, хотя и происходили из христианских семей. После учебы им доводилось подвизаться на мирском поприще. Все греческие отцы проходили своеобразную выучку (новициат) у отцов-пустынников и возвращались к ним же. Они следовали своему духовному призванию и становились сначала священниками, потом епископами. Великими епископами славен этот век.

Христианское образование предполагало наставления в вере (катехезы) и проповеди. Дабы прояснить сознание и укреплять нравы, святые отцы, чей ум формировался в светских школах, решительно вступали в богословские споры. Они укрепляли веру, поставив ей на службу философскую культуру, и действовали отнюдь не в избранном кругу, а в гуще своего народа, среди людей бедных и смиренных. В союз с властителями и богачами они никогда не вступали, но, постоянно напоминая им о великих началах справедливости и уважения к человеку, закладывали основы христианского правопорядка.

Отцы обогатили Церковь всеми сокровищами греческой мысли. Их деятельность и их творения открывают новую эру и начинают историю христианской цивилизации.

АФАНАСИЙ ВЕЛИКИЙ (†373)

В христианской древности Александрия выдвинула череду замечательных людей. Своей культурой, деятельностью, святостью они заслужили нашу память. В III в. она дала Климента и Оригена: они-то и создали здешнюю школу мысли, заложили основы знаменитой александрийской богословской традиции.

Афанасий явился в одном из позднейших поколений. Еще в детстве ему довелось узнать гонения, однако это не поколебало его, закалило характер и воспитало в нем непримиримость, которую противники постоянно ставили ему в вину. С негибимостью мученика он защищал православие, утвержденное на Никейском соборе. Вся его жизнь была борьбой с арианской ересью, отрицавшей божественность Христа.

МУЖ ЦЕРКВИ

Будущий александрийский епископ был, в отличие от каппадокийцев, не учителем, а истым церковным человеком. «Он уделял занятиям мало времени, - пишет Григорий Богослов, - ровно столько, чтоб не прослыть невеждой».

Мы ничего не знаем ни о его воспитании, ни об учителях, ни о научных занятиях. Сам он сообщает, что первые его наставники погибли во время гонений. Стало быть, они были христианами. Афанасия сформировала Церковь; с нею связаны все его достижения, она была его жизненной средой, его родиной, его семьей. Он выступал на ее защиту бестрепетно - так сын защищает свою мать.

В Афанасии больше чувствуется египтянин, нежели грек. Ему привычнее было изъясняться и писать по-коптски. Сам из престонодаря, о чем свидетельствует его живой, уличный язык, для бедных он был своим человеком и в случае надобности умел управляться с толпой. Народ оставался верен своему трибуну, община его любила, и с простыми людьми у него не было трудностей; трудности создавал клир, богословские пререкания, политические тревожения. Подобно некоторым своим преемникам, он скорее напоминает христианского фараона, нежели церковного сановника или философа.

*Отрывки из книги А. Аммана «Путь отцов», начало в №1-2006.

На иллюстрациях: фрагмент гигантской статуи Константина Великого из Palazzo dei Conservatori Museum и фреска Антония Великого из храма построенного его учениками вскоре после его смерти.

C
A
E
S
A
R

C
O
N
S
T
A
N
T
I
N
V
S

Это отчасти объясняет его особый пафос; натура негибимая и деятельная, он не пренебрегал ни уловками, ни шантажом, лишь бы обернуть дело на пользу ортодоксии. Иные времена, иные нравы! Впрочем, александрийские нравы всегда отличались некоторым своеобразием. География тоже кое-что объясняет в людях. Неверно было бы судить Афанасия или Кирилла по нашим меркам.

В бытность диаконом Афанасий сопровождал своего епископа Александра на первый вселенский собор. И таким образом был свидетелем победы веры над ересью Ария. Вполне возможно, что в этой победе Афанасию принадлежала некая закулисная роль. Он был и остался неуклонным последователем никейских решений, а позднее даже почитал себя живым зеркалом ортодоксии, что осложняло и ожесточало многие конфликты.

Епископ Александр умер в 328 г., признав Афанасия своим достойнейшим преемником. Избрание, однако, прошло не без трудностей, как отмечает панегирист Афанасия Григорий Богослов: препятствием служила его молодость (ему было тридцать два года), цельность его характера, его резкая и непримиримая позиция в борьбе с арианством. Эта борьба стала содержанием всей его жизни, и в последующие сорок пять лет он выступал против арианства вначале в союзе со светскими властями, а затем, когда власть предала ортодоксию, то и против властей. Пять изгнаний не сломили его сопротивления и не ослабили его духа.

ЕПИСКОП В ИЗГНАНИИ

Новый епископ начал с того, что постарался укрепить в сердцах верующих заветы Никейского собора. Он объехал всю епархию и встретился с Пахомием, первым устройтелем отшельничества. Тот проникся к Афанасию глубоким почтением и назвал его «отцом православной веры Христовой».

Распри начались в 330 г. Для начала епископ разделался с последователями Мелехия, которые учинили схизму. Обошелся он с ними немилосердно: он не умел отделять людей от их убеждений. Затем император Константин, желая замирения умов ради вящей централизации, помиловал Ария, когда тот признал новый символ веры, и императорским рескриптом предписал ему вернуться к исполнению прежних обязанностей. Афанасий наотрез отказался признать такое решение. Его это затрагивало напрямую: ведь Арий был александрийским пресвитером. Вот ответ Афанасия императору: «Негоже возвращать к делам Церкви тех, кто противится истине, подстрекает к ереси и предан анафеме вселенским собором». Епископ упорно стоял на своем. В Александрии возобновились смуты: дошло до того, что епископа понудили скрыться из города и искать приюта в одной из монашеских обителей Верхнего Египта.

В 335 г., воспользовавшись паломничеством императора в Иерусалим, недруги Афанасия спешно созвали собор на императорском пути в Тире, призывая порешить разногласия миром. Затребованный туда александрийский епископ нехотя повиновался и прибыл с пятьюдесятью египетскими епископами, которых не приглашали и слушать не стали. Афанасий оказался в незавидном положении, ибо многие из призванных епископов испытывали к нему враждебность. Его обвинили в насилии и беззаконии. Видя столь неблагоприятный оборот событий, епископ удалился прежде, чем его успели отстранить от должности.

Неукротимый епископ появился через некоторое время в Константинополе, подстерег императора на улице и попросил выслушать его. Константин призвал на совет епископов, вновь поставленных на Тирском соборе; те не стали припоминать старых обид, благо и новых хватало: Афанасия обвинили в самоуправстве на хлебных рынках Египта и в том, что он угрожал задержать поставки. Императора смутили недобрые толки, он разгневался и отправил александрийского епископа в ссылку в Трир. Это было первое из его пяти изгнаний.

Будь он покладистее - и теперь, и в первом случае с мелехианцами - он мог бы остаться при своих принципах и исправить положение, не играть на руку врагам, которые представили его в глазах императора, доселе благосклонного к епископу, человеком несговорчивым, склонным к распрям. Впоследствии Афанасий несколько укротит свой нрав, но пока что епископ молод и порывист: он без оглядки бросается в бой.

Лишенная епископа Александрия заволновалась. Знаменитый отшельник Антоний лично заступился за Афанасия перед императором. Тот ответил, что не допускает мысли, чтобы столь почтенное собрание ошиблось, сочтя Афанасия «дерзким гордецом и крамольником». Лишь после смерти Константина епископ снова вступил в столицу своей епархии.

К несчастью, новый император оказался благосклонным к арианству. Афанасия вновь лишили епископства на Антиохийском соборе (339 г.). (...) Ему удалось вернуться в свой город лишь в 348 г., где его приняли как вероучителя, с торжеством, ликованием и почестями. Воспоследовали десять лучших, самых плодотворных лет его епископства.

Ход событий побуждал его все решительнее отмежевываться от светских властей. Вмешательство императора было весьма небезопасно для ортодоксии, и Афанасий первым среди церковников провозгласил и с редкостным упорством отстаивал независимость церкви.

Александрийский епископ оживил в своей епархии дух Никейского собора; он глубоко разрабатывал основы христианской жизни, поддерживал братские отношения с монашеством. Он занялся обращением Эфиопии и Аравии. К этому периоду относятся некоторые из его важнейших сочинений.

Через десять лет он снова изгнанник, на этот раз его приняли отшельники египетских пустынь. Он оставался с ними до 361 г. и вернулся только при Юлиане,

когда лжеепископа Георгия, замещавшего Афанасия, растерзала александрийская толпа. При Юлиане Афанасий был снова изгнан. На этот раз епископ особенно тесно сблизился с монашеством; он составил жизнеописание главы монахов Антония - документ этот явил векам образец религиозности и христианского благочестия и сыграл немалую роль в обращении Августина. Афанасий уловил суть того религиозного движения, которое захватило весь Египет и возродило в песках пустыни былой дух сопротивления. Из монашеской кельи он продолжает надзирать за своей епархией, отстаивает заветы Никейского собора: он остается «незримым египетским патриархом».

В 366 г., по истечении последнего четырехмесячного изгнания, Афанасий наконец вернулся в свой город и мирно правил епархией, столь ему преданной, до самой смерти (в 373 г.). Из 46 лет епископства двадцать он провел в изгнании. Когда скончался этот негибимый воитель, ортодоксия была утверждена еще не повсюду. Но через несколько лет император Феодосий повелел всем своим подданным блисти никейские заповеди. Таков был исход борьбы, которую направляли деяния и сочинения этого великого епископа.

ТВОРЧЕСТВО

Творения его рождались в борьбе. Как человек действия, он не причислял себя к настоящим писателям. К тому же и философского образования ему не доставало. Он писал, дабы вразумить, убедить. До нас дошло его раннее сочинение, для которого он улучил время в бытность секретарем при епископе. «Рассуждение против язычников и о воплощении Слова» не содержит оригинальных суждений, но впечатляет пламенной приверженностью ко Христу.

Большая часть его богословских сочинений посвящена опровержению арианства и защите Никейского Символа веры. Александрийский епископ твердо сознает сущность христианства. Прежде всего были написаны три «Рассуждения против ариан», кратко излагающие учение о Троице. Та же тема развернута в ряде писем Афанасия.

Спокойные рассуждения не его стихия. В ходе арианских раздоров этот воитель выступает как яростный полемист. Египет вообще не оставил нам образцов благодушия, но отповеди Афанасия - из самых хлестких. Борьба была для него наслаждением, он сам признавался: «Защита мне не утомительна, напротив, отрадн».

В «Апологии против ариан» (348) Афанасий собрал все документы в поддержку своей непримиримой позиции. «Апология перед Констанцием» - защитительная речь, обращенная к императору, которая так и не была произнесена, - убедительный пример его полемической ловкости, он предвидит даже выражение лица, которое должно появиться у слушателя: «Вы улыбаетесь, государь, и эта улыбка - знак согласия».

В последних полемиках Афанасия напор растет, перед нами уже почти памфлеты - в «Апологии бегства» (358) и в «Истории ариан», обращенной к монахам, противник жестоко высмеивается. Афанасий уже изгнан, терять ему нечего, осторожничать ни к чему. Его ядовитая издевка полна гротеска и порой граничит с оскорблением, речь пересытана живыми сценками из каждого персонажа - свой голос. Он умеет найти разящее наповал слово, обрушивая, скажем, свое мужское негодование на евнухов, окружающих государя (евнухам он уподобляет своих противников). «Им ли, увечным, - вопрошает он, - судить о рождении Сына Божия?»

Афанасий не только страж ортодоксии, но и пастырь, и какой пастырь! Многие из его духовных наставлений утрачены, почти не сохранилось комментариев к Писанию, но все же немало пастырских сочинений дошло до нас в коптских и сирийских переводах. Среди них упомянем его предпасхальные письма с наставлениями о посте, трактат «О девственности». («Девственность есть сад запертый, ничья же нога не вступит в него, кроме ноги садовника».) Он отнюдь не забывал, что александрийские девственницы жили в миру и по тем временам догматов послушание их было мирское; им, стало быть, грозили обычные искушения: приходилось путешествовать, а иной раз и бывать в публичных купальнях.

Уже упоминалось его «Житие святого Антония», где среди прочего повествуется и о знаменитом искушении - на радость живописцам и на потребу воображению сочинителей, которые придали ему отсутствующий в подлиннике эротический оттенок. Повесть о святом Антонии - прототип будущей житийной литературы.

ЛИЧНОСТЬ

Во всем, что им написано, Афанасий выступает борцом. Он любит открытой бой, бьет наотмашь и сам не уклоняется от ударов: он всегда готов их принять и вернуть с лихвой. В то же время есть у него страницы прочувствованные и проникновенные, при этом он никогда не впадает в патетику, коей грешил даже Иоанн Златоуст. Он краток без сухости, его цель - не зажечь, а убедить. Он рассуждает, доводит мысль до логического конца и всегда оставляет за собой последнее слово.

Современники восхищались его упорством. Сломить Афанасия не могли никакие невзгоды и неудачи, и в истории он прославлен как «столп Церкви». Заслуга его в том, что он распознал губительную суть константиновского замирения, понял, сколь опасна для веры и свободы имперская Церковь. Он отстаивал перед кесарями и перед богословами-политиками незыблемость догматов Никейского собора и верность Церкви ее собственному призванию: нести спасение миру.

Нам трудно с исчерпывающей объективностью судить о времени, когда царил столь жестокий нрав. В Александрии то и дело случались кровопролития. Епифаний пишет об Афанасии: «Он убеждал, увещевал, принуждал, если надо, не останавливаясь перед насильем». На него нападали - он защищался. И если одолевал, то не шадил противника. Несокрушимые люди грешат тем, что не соразмеряют своей силы; в Афанасии не было ни капли снисходительности. Если он начинал спорить, он тут же впадал в крайности; если его в чем-либо обвиняли, отвечал личными выпадами; удары так и сыпались на него, он старался сквитаться и, разумеется, нанести урон противнику.

Александрийский епископ часто оказывался один на один с ересью. Он считал себя воплощением ортодоксии - можно ли винить его за это? Убежденный в своей правоте, он не брезговал ничем для достижения победы. Юлиан обличал его в интригантстве. Надо признать, что подданный вроде Афанасия - не подарок для императора. Пересказывая события, он переиначивает их в свою пользу: так в «Апологии против ариан» он благообразно умалчивает о событиях в Тире.

Этот непримиримый борец был близок своему народу. В отличие от Василия, он не аристократ, а трибун и образцовый епископ; его можно назвать епископом Сопротивления. Он прежде всего пекся о своей пастве, радел об овцах своих. Веру он рассматривал не как достояние культурных кругов, близких сердцу Климента, а как удел простого человека. Он в грош не ставил изощренность ума. В богословии он чуждался умозрений и крепил вероучение, утверждая его, а не просто рассуждая о нем. Богословие, по Афанасию, должно целиком проявлять себя в действии. И само красноречие для него - лишь залог действительности. Красноречие у него особое: он изъясняется без прикрас, мысль его отчетлива, напориста, убедительна.

Александрийский епископ был озабочен тем, чтобы открыть своему народу благодать, увлечь его на путь аскезы и целомудрия. Он повествует в «Истории

ариан», как «незамужние и приуроченные к браку женщины сохраняли девство во имя Христово, юноши, подвижные примером, принимали монастырское послушание, отцы и чада склоняли друг друга к делам аскезы. Вдов и сирот, дотоле алчущих и нагих, одело и напитало милосердие людское». Что же может быть большей отрадой для пастыря?

Афанасий - на редкость цельная натура. Подобная цельность вызывает противоположные чувства: у одних - восхищение и приязнь, у других - отталкивание. Этот прямолинейный человек вникал в суть и не заботился о частностях. Народ и монашество понимали, что дело его правое и что устами его глаголет истина. Он привлекал не внешним обаянием, а страстной убежденностью, и убеждал, потому что внушал доверие. В этом секрет его неотразимого красноречия.

Он вершил суд безоглядно, и решительность его оборачивалась жестокостью. Не стоит укорять его в недостатке мягкости. Льюте (Lyautey) говорил: «Не девственницам созидать империи». Афанасий отстаивал Царство Божие с мужественной яростью. Отважный воин православия, он был беспощаден к тем, в ком видел помеху; он столь проникся делом Божиим, что и сам был готов к любым жертвам, к любым страданиям. Испытания очистили его дух и приучили страдать молча. Этот ревнитель истины, всегда столь яростно оборонявший ее, и словом не обмолвился, когда папа Либерий от него отсекся. Он расплачивался за стойкость самим собой, своей жизнью. Все его существование было исповедью веры, бескомпромиссной, громоподобной, всепоглощающей.

Истинная его биография начинается с открытия для себя пути совершенной жизни и того, что необходимо для вступления на этот путь. Отец, монашества, как, позднее Франциск, внимал благовествованию Церкви и безусловно подчинялся ее гласу. Это в конце концов сделало его аскетом.

ЖИТИЕ СВЯТОГО АНТОНИЯ

Рождение и воспитание Антония (251 - 269 гг.)

Антоний был по рождению египтянин, сын благородных и вполне состоятельных родителей. Сами они были христиане и сына воспитали по-христиански. Ребенком он рос среди своих и не знал никого, кроме своих домашних. Подросши и достигнув нужного возраста, он не пожелал учиться словесности, дабы остаться порознь с прочими отроками. Он хотел только, подобно Иакову в Писании, кротко жить в своем доме. С родителями своими он бывал в доме Господа. Ребенком он был чужд лести; выросши, он не воспрезрил родителей, но покорствовал им; прилежно внимая урокам, глубоко их усваивал. Невзирая на состояние родителей, ребенок довольствовался скромной и однообразной пищей; он не искал плотской отрады. Принимал, что давалось, и не требовал большего.

Осиротев, он раздает наследство

По смерти родителей, Антоний остался единственным попечителем малолетней сестры. От 18 до 20 годов ему приходилось заботиться о сестре и о доме. Не истекло и шести месяцев со дня похорон, и он направлялся в церковь, размышляя по пути, как апостолы оставили все и пошли за Христом, как, согласно «Деяниям апостолов», верующие распродалли добро свое, приносили и слагали выручку к ногам апостолов, отрекаясь благ мирских на потребу нуждающихся; сколь великую надежду обретали они в Небесах. Занятый такими мыслями, он вступил в церковь. Случилось так, что там читали Евангелие, и он внял, как Господь сказал богатому: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф 19, 21). Антоний приял от Господа память о святых, словно бы для него было сие чтение, и тотчас вышел из церкви. Наследство, оставленное родителями, триста аруров плодороднейшей земли, он раздал соседям, дабы не отягощать сим наследством себя или сестру. Он продал все, что было в доме, и деньги, какие выручил, раздал беднякам, лишь немного оставив для сестры.

Начало его аскезы

Другой раз зайдя в церковь, внял он, как Господь в Евангелии своим рек: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф 6, 34). И не терзаясь более, он разделил остаток своих денег между бедняками. Сестру свою он препоручил девицам известным и надежным, и поместил ее в обитель девственниц, дабы воспитали ее. Сам он упражнялся в аскезе невдалеке от дома, изнуряя плоть свою тяжкими лишениями. Тогда земля египетская еще не усеялась монашескими обителями, а о великой пустыне подвижник даже и не ведал. Если кто хотел спастись, тот всего лишь удалялся из селения. И был тогда в соседнем селении один старец, который от юности жил отшельником. Антоний узнал о нем и решился соревноваться с ним в благопослушании. Первым делом он также избрал себе обиталище поодаль от селения. Затем, слышавши о прилежании и мудрости того подвижника, пустился искать его, положивши не возвращаться в свою пещеру, доколе не сведается с ним; и получив от него как бы напутствие к добродетельной жизни, вернулся. Поначалу он там и пребывал и укреплялся в решимости не прикасаться более к родительскому наследству и не вспоминать о близких своих. Он предался подвижничеству всеми помыслами и всем прилежанием своим. Он трудился не покладая рук, ибо слышал, как сказано: «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фее 3, 10). Часть выручки своей он истратил на хлеб, прочее раздал нуждающимся. Молился он постоянно, ибо постиг, сколь надобна в уединении непрестанная молитва. Писание он читал с таким вниманием, что ничто не ускользало от него, и память сделалась ему вместо книг.

Он учится у других подвижников и ищет уподобиться им в добродетели

Такой своей жизнью Антоний всем полюбился. Он охотно и покорно принимал уроки подвижничества от других пещерников, с коими доводилось видеться, и перенимал от них добродетели и аскетические наития, особо каждому свойственные. В одном он наблюдал дружелюбие, в другом - сугубое прилежание к молитве; тот отличался терпением, этот - милосердием к ближнему; иной был весь в бдении, иной особо внимателен к слову Писания; тот был достоин восхищения своим постоянством, другой усердствовал в посте и спал на голой земле. В одном видна была мягкость, в другом - величие души; и все они отличены были благоговением ко Христу и взаимной приязнью. Напитавшись созерцанием собратий, он возвращался в свою пещеру и усердствовал в аскезе, стремясь вместить и освоить все виденные добродетели. Зависти в нем не было ни к кому: он жаждал лишь не отстать от других в устремлении ко благу. И поступал он так, что никому не было от него печали, и все сорадовались вместе с ним. Все обитатели селения и все хозяева, имевшие с ним дело, не могли нарадоваться на него, называли его другом Господа и любили его - одни как сына, другие как брата.

□ ————— □
(Продолжение, начало на стр. 1) Когда арестовали основных членов семинара, он перешел в более скрытую форму, став законспирированным общением ряда друзей. Когда я вернулся, мы хотели его возобновить, но не только изменилась уже эпоха, нет, было слишком много тех, кто не желал этого в православной среде. Были колоссальные интриги внутри, чтобы нас расколоть.

За полгода до ареста я ушел от о. Димитрия Дудко. Я был его духовным чадом, был с ним очень близок, но за полгода я ушел от него официально. Он был арестован, была сильная кампания в его защиту. Он покаялся перед советской властью - не просто написал письмо, его показали по телевидению, где он каялся и говорил, что занимался антисоветской агитацией и пропагандой, что им руководили враждебные центры и т.д. Для меня это не было неожиданностью, но для ряда людей это был колоссальный слом, были даже попытки самоубийства среди его духовных чад. Мы-то были мальчишки ничего не видевшие, а он уже прошел 8 лет сталинских лагерей. В итоге мы выдержали, а он сломался тут же, хотя у него были совершенно иные, хорошие условия содержания. Этот опыт беспрецедентен, не потому что мы были какие-то особенные. Нет, мы были и есть обычные люди, просто рационально многое объяснить невозможно.

За мной был очень плотный контроль, в КГБ знали, что я - лидер, активный человек, все связи сходились на меня. Люди ехали к нам с разных сторон, о нас шла молва. Мы своим видом показывали, что мы уже не советские, это была молодежная православная субкультура. Я носил длинную шинель, длинные волосы и т.д. Были случаи, когда я уходил от них и не мог понять как. Это было такое ежечасное чудо. Так было постоянно, мы этого не просили, но вот - совершалось. И мы сами поражались - как, почему это происходит, кто мы такие, мы не достойны всего этого! Это было ощущение связи с живым Богом.

Н. Игнатович: В конце 80-х - начале 90-х мы все пережили массовую волну призыва к покаянию, а потом это все как-то сошло на нет...

А. Огородников: Я в это время, обращаясь к нашей иерархии, писал о покаянии и говорил, что мы вступаем в уникальный, беспрецедентный период истории, что мы можем изменить судьбу России, но для этого нужно пройти покаяние, очиститься. Я сказал, что это уникальная возможность, если мы сейчас ее упустим, то мы упустим историю, не сможем ее изменить. И иерархия должна дать образ этого покаяния, она должна покаяться, ведь мы же знаем, что было сотрудничество с атеистическими властями. И только один архиепископ Виленский и Литовский Хризостом (ныне - митрополит) об этом написал и покаялся. Остальные же этот призыв проигнорировали.

Н. Игнатович: А чем для Вас стало время перестройки?

А. Огородников: Я пытался что-то сделать, создал Христианско-Демократический Союз России, издавал газету, мы занимались активной общественной деятельностью. У нас была фракция в московском парламенте, я участвовал в выборах.

Я пытался делать все, чтобы претворить в жизнь именно христианские ценности. Я этому посвятил жизнь. Это была политика, благотворительность, публицистика, просто общественная деятельность и т.д. Все, что было в моих силах, я пытался использовать, например, столовую создал, где мы спасли миллион семьсот двадцать тысяч человек. СССР распадается, огромные толпы кинулись в Москву - из Карабаха, Абхазии, Ферганы. Москва вообще не была готова, люди попадали сюда избитые, в рваной одежде, еле вырвавшись из пекла, и они никому не были нужны. Единственное место, где их принимали, была наша столовая - мы их кормили, давали одежду, пытались как-то утешить. Помещение потом отняли, но за 7 лет мы спасли от голода, накормили, вернули надежду.

Потом был открыт негосударственный христианский детский центр «Остров надежды». Сейчас там пятьдесят четыре человека. Власть постоянно пытается его закрыть, она просто не терпит независимых людей, не может допустить, что есть люди, живущие иначе, чем они.

Н. Игнатович: В этом году мы вспоминаем 70 лет начала массовых репрессий 1937 г. Но подлинного осмысления и памяти нет. Ответственности на себя никто не взял. Что делать?

А. Огородников: Это очень важно, Вы правы. Одно дело говорить - новомученики, они расстреляны, мы их почитаем, канонизируем. Кровь новомучеников, обильно пролитая, для меня это, образно говоря, крещальная купель новой христианской России. Но есть же еще живые исповедники, и о них молчат.

Меня поражало поведение лидеров КПСС, стремительно перекарсившихся во время перестройки в демократов. Люди, которые достигли больших командных высот в КПСС, которые были крупными партийными функционерами, критиковали КПСС так жестко, что у меня было ощущение, что люди жили просто на Марсе все время, прилетели, увидели КПСС и нам рассказывают, как это ужасно. Меня этот цинизм просто поражал. В духовной жизни ничего просто так не происходит. Эта болезнь разлагает общество, не может быть новой жизни, потому что мы не принесли покаяния и не воскресли для новой жизни.

Антоний, митр. Сурожский Как учить ребенка молиться?*

Сегодня я хотел бы начать разговор на тему - что вы скажете ребенку, который вас спрашивает: как надо молиться, что мне делать?

Самое простое - ему сказать: вот тебе молитвенник, читай вслух. Но это, в общем, не молитва. Для того чтобы эти молитвы читать, будто собственные, надо в них врасти, потому что они были написаны святыми и выражают опыт каждого святого о Боге, Каким тот Его знал, о себе самом, о жизни. И поэтому просто сказать ребенку - да и взрослому человеку: вот тебе книжка, читай, и все будет хорошо - нереально. Хотя очень многие так поступают, но они никогда до молитвы не доходят. И если ребенку дать просто молитвенник, где очень многое непонятно даже по языку, то он не научится молиться на этом. Он, может быть, будет дрессирован, как собачка можно выдрессировать поступать определенным образом, но через такую молитву он не пробьется ни до себя, ни до Бога.

Так вот, предположим, что ребенок вас спрашивает и говорит: вот ты, мама (или папа), молишься, я тоже хочу научиться молиться... Это очень опасный вопрос, потому что "ты молишься" или "вы молитесь" - очень рискованное дело. Можем ли мы ответить: "Да, я молюсь? Но даже если вы скажете это, как ребенку к этому приступить? Я помню одного мальчика здесь в приходе (теперь ему лет сорок), которого очень благочестивая мать протаскивала через все вечернее правило. Ему было тогда лет семь, и она ему вычитывала, вычитывала, вычитывала, а он терпел, как умел. И однажды, когда она кончила, он сказал (она говорили по-английски): Now that we have finished praying - could we pray? - Теперь, что мы кончили "извергать молитвы", нельзя ли помолиться? И вот что ответить на такой вопрос или чем этот вопрос предотвратить? Что ты скажешь?

Ребенок делает, то же, что и мы делаем ... А вы что скажете?

По моему опыту (сыну сейчас 20 лет), я обращалась к молитве чаще всего в тяжелую минуту жизни, как всякий человек, который прибегает к помощи Бога. Я читала ему молитву на ночь, в темной комнате, и он сам научился, и даже более того, как бы меня научил молиться, потому что он молился всей душой, еще даже не знал слов молитвы, очень верующий был мальчик. Но начиналось с того, что ночью, когда я выключала свет и брала его на руки, я читала "Отче наш" и те несколько молитв, которые знала, ничего не объясняя, просто говорили: "Давай помолимся". И он к этому привык. Он прибежал к молитве в армии, в самые тяжелые времена, и он не погиб, и он прекрасно знает, что только потому, что он молился. Но это такой небольшой опыт, и, может быть, он неправильный?

- Я думаю, что молитвенный опыт у него вышел от того, что вы молились искренне, то есть вы не "становились на молитву", потому что того требует устав или какие-то правила, а вам хотелось с Богом поговорить, и выговорили теми словами, которые вам были доступны, т.е. теми молитвами, которые у вас были. Он, вероятно, даже несомненно, воспринял не слова, а душу вашу, которая молилась. Я думаю, что очень важно, если вы молитесь с ребенком, молиться не "для" него. Знаете, как иногда бывает: что-то делаешь не то что "напоказ", а "на пользу". Хуже всего получается, когда священник или дьякон служит с оглядкой на народ, который в церкви, и служит так, чтобы это было "для них хорошо", "для них полезно". Потому что люди тогда чувствуют, что он не молится и их не ведет в молитве, он просто старается что-то им передать, в лучшем случае, или повлечь куда-то. Я помню одного дьякона, которого я в России встретил. Он начал служить, и я в ужас пришел от того, как он оперно служил. И когда он вошел в алтарь, я сказал ему: "Отче, так служить невозможно! Ты не молишься!" Он мне ответил: "Я оперный певец, я стараюсь молящимся передать самое лучшее из музыки, что знаю". И в результате он молитву не передавал. Он не передавал, я бы сказал, даже и красоту, потому что сам красовался и старался передать эстетику.

И я думаю, что то, что вы делали, именно потому дошло до ребенка, что вы не старались его чему-то научить и тем менее ему сказать: "Научись от меня, как молятся", а вы молились - а он подслушивал. Я часто говорю священникам или дьяконам: ты говори с Богом, а люди, которые в церкви, пусть подслушивают, как ты с Ним разговариваешь.

* Фрагмент книги Митрополит Антоний Сурожский. Семья и брак. К.: Пролог, 2005
Взято с <http://www.kiev-orthodox.org>

О предстоящей рождественской встрече с детьми.

Принятая ранее в нашей общине концепция воцерковления детей, предполагающая родительскую катехизацию, так и останется лишь общей идеей, если не будет нацелена на результат и потеряет отнесенность к конкретным целям.

Такой ближайшей целью и своего рода "контрольной точкой" (где родители смогли бы оценить эффективность своих усилий), предполагается рождественская детская встреча, где дети в свойственной им форме могли бы показать свое владение пройденным материалом.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ 8-12 ЛЕТ

1. Откуда взялся окружающий нас мир? Кто создал его? Предметы, сделанные человеческими руками, всегда сделаны из чего-нибудь (стол - из дерева, ножницы - из металла и т.д.). А из чего был сотворен окружающий нас мир?
2. Всегда ли земля выглядела так, как сейчас? Расскажите вкратце о том, как был сотворен этот мир (шестоднев).
3. Как Господь создал человека? Был ли человек создан из ничего, как весь мир? Появился ли человек раньше или позже растений, рыб, птиц и животных? Как вы думаете, почему?
4. Какова была обязанность человека по отношению к окружающему миру? Должны ли мы так же относиться к окружающему миру сегодня?
5. Кто дал имена животным и птицам? Отчего Господь захотел, чтоб это сделал именно Адам?
6. Откуда взялась жена? Почему Господь не создал ее как Адама, из земли?
7. Человек был создан по образу и подобию Божию. Чем человек подобен Творцу?
8. Как устроен мир вокруг нас? Что мы можем сказать о Творце, глядя на Его творение? Как Господь относится к своему творению?
9. Какой запрет был дан человеку в раю? Был ли он соблюден? Каковы были последствия его нарушения?
10. Расскажите о дальнейшей жизни Адама и Евы и их детей.
11. Отчего Господь навел на землю потоп? Кто был в ковчеге? Могли ли остальные люди спастись вместе с Ноем?

